

ЧАСТЬ I МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ МИР-СИСТЕМНОЙ ПЕРИФЕРИИ И ПОЛУПЕРИФЕРИИ

ИСЛАМИЗМ И ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Исламизм является одним из важнейших феноменов нашего времени, он оказывает сильное влияние на многие мировые и глобальные процессы. Без понимания роли исламизма с учетом огромной и возрастающей доли мусульман в мире нельзя понять ни современные, ни будущие векторы глобализации. Все это делает тему соотношения глобализации и исламизма очень актуальной. Между тем она исследована явно недостаточно. В статье мы хотели бы наметить некоторые контуры и вехи этого взаимодействия, показать, что глобализация сильно влияет на модернизацию, что процессы глобализации и модернизации во многом взаимосвязаны, и в странах, где силен исламизм, они трансформируются особым образом.

В статье также прослежено влияние специфического типа социально-политической модернизации, характерного для Африканской макрзоны нестабильности, на политические процессы в макрорегионе. В том числе показано, что конфликт между Катаром и другими странами Залива, помимо целого ряда причин, определяется также конфликтом между старым курсом глобализации (условно «нефтяной») – Саудовская Аравия и другие

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

страны Залива) и новым (условно «газовой», то есть основанной на технологии сжижения газа, где особенно продвинулся Катар).

Автор также стремился связать политические процессы с типами модернизации, показав, как менялся тип модернизации с течением времени, а также как это влияло с начала XX в. на особенности модернизации в исламском мире. В частности, был сделан вывод, что особенности модернизации 1990–2000-х гг. и мощный подъем глобализации в это время способствовали наступлению Арабской весны.

Введение

Сегодня в мире насчитывается примерно 1,7 млрд мусульман, то есть больше одной пятой населения Земли. Прогнозируется, что к 2050 г. количество мусульман увеличится до 2,76 млрд человек, что составит почти 30 % будущего населения планеты (Десилвер, Мэсилив 2017). Естественно ожидать, что роль как исламских стран, так и исламских общин в странах с иными религиями и культурами будет расти. Мы уже говорили на страницах этого издания (Гринин 2018), что понять современные исламские (особенно арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды и образа жизни невозможно. Исламизм – один из самых сложных социальных феноменов настоящего времени (Кепель 2004), феномен многоликий, меняющийся и противоречивый. Поэтому в настоящей статье мы сможем только наметить основные контуры и вехи этого взаимовлияния. Исключительно важно понимать, что исламизм – отнюдь не поверхностное явление, он затрагивает коренные аспекты жизни мусульман. Все это делает тему соотношения глобализации и исламизма актуальной, причем на длительное время. Между тем она исследована явно недостаточно.

Статья состоит из введения, заключения и четырех разделов. В первом разделе «Об исламизме» мы даем некоторые характеристики исламизма, однако не в полной системе, поскольку многое уже было сказано в предыдущей нашей статье (Гринин 2018), а также имеется в другой нашей статье в настоящем мониторинге (Он же 2019). Во втором разделе «Исламизм в глобальном контексте» анализируются отношения между исламизмом и Западом, рассматривается, как оказались свя-

занными развитие исламизма и разворачивание глобализации на протяжении XX и начала XXI в. Третий раздел «Как и почему модернизация повышает риски дестабилизации общества» посвящен общим аспектам модернизации, механизмам и причинам влияния модернизации на риски дестабилизации общества. Мы также показываем, что процессы глобализации и модернизации во многом взаимосвязаны.

Четвертый раздел «Об особом пути модернизации исламских стран и его влиянии на политические процессы» посвящен особенностям модернизации в исламских странах и некоторым моментам, демонстрирующим, как особенности модернизации влияли и влияют на политические процессы в макрорегионе, названном Африканской макрорегионом нестабильности.

1. Об исламизме

Ислам и исламизм – это не синонимы, ставить знак равенства между ними нельзя. Ислам – это древняя религия с атрибутами религиозного культа и системой духовных лиц – знатоков Корана, шариата и других священных текстов. При этом такие служители чаще всего далеки от политики и стараются остаться в рамках чисто традиционной религиозной деятельности. Исламизм – это сравнительно молодая, созданная на базе ведущих религиозных идей и практик *политическая* и социальная идеология, которая призывает распространить исламские законы и традиции на поведение всего общества (всех исламских обществ или даже мира). Ее проводниками являются политики, обычно не имеющие духовного образования, политические группы и партии, стремящиеся к власти и влиянию на власть. Служители культа чаще всего не приветствуют исламизм, который есть, по сути дела, исламская реформация. И сегодня исламские тексты и положения начинают трактовать и воплощать на практике не духовные лица, а миряне. А это уменьшает значимость исламского духовенства.

Определение и течения исламизма. Кратко исламизм нередко определяют как «политизированный ислам» или «политический ислам» (см., например: Левин 2014: 4; Игнатенко 2004: 40; Achilov, Sen 2017: 608). Это удобно, но из-за краткости не совсем верно, так как исламизм – не только политическая, но и социальная идеология, образ жизни и действия, это не нечто поверхностное, а глу-

бинная и всеобъемлющая субстанция исламских обществ. Однако исламизм неоднороден (Osman 2016: 260), существует исламизм умеренный, порой даже мягкий, в известной мере демократический. Напомним также, что в целом в исламском мире радикальный исламизм является только относительно небольшой частью исламистского движения, которое в основном представлено умеренным исламизмом. Поэтому более удачными будут такого рода формулировки: это политическое движение, которое выступает за реорганизацию политической и социальной системы в соответствии с законами, установленными исламом (Ноорег 2015).

Исходя из изложенного, мы сделали собственное определение исламизма, которое приводим. **Исламизм** – это политическое и социальное направление и идеология, широко распространенные в мусульманском мире. Он основывается на идеях высокой ценности/превосходства ислама, его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) определенным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые как таковые) идеи и принципы во главу угла в политической и социальной жизни.

Исламизм – это массовое и разветвленное движение. Исламисты действуют во многих социальных группах. Исламизм и исламистские организации выполняют много функций в исламском обществе: помощь бедным, самоорганизация для решения насущных вопросов, наблюдение за нравственностью, организация духовного образования и обсуждения религиозных вопросов, волнующих общество; это также возможность выдвинуться талантливым людям. Исламисты активно проникают в бизнес, образование, даже в низшие муниципальные органы, организуют медицинскую помощь, посредничают в доставке денег семьям мигрантов и т. п. При этом их немало в низовых слоях общества и еще больше сочувствующих среди бедных в низшей страте среднего класса (а также и в других слоях). В этом во многом заключается их сила. Таким образом, исламизм не только духовно, но и функционально пронизывает социальную ткань общества. Поэтому даже при сильном светском государстве, в условиях запрета исламистских организаций и репрессий против их активистов его крайне сложно вытес-

нить из общества. Ведь исламизм опирается на представления, которые понятны абсолютному большинству людей, независимо от уровня их образования, а именно религиозно-культурные и религиозно-политические. В этом еще одно его преимущество перед другими политическими течениями. Будучи низовым движением, исламизм также чаще всего является движением оппозиционным, что придает ему силу, так как критика власти импонирует населению. Исламисты возглавляют борьбу за выполнение конкретных требований и т. п. Следовательно, с этой точки зрения исламизм – определенный контроль общества над властью и институтами общества. Он помогает также донести свой протест в мире несправедливости до тех, кто может его услышать. Таким образом, исламизм является широким народным течением.

Путь в будущее через умеренный исламизм? Мы уже говорили (Гринин 2018) о том, что путь к позитивному развитию исламских стран во многом лежит в русле опоры на умеренный исламизм, что крайне важно не только различать радикальный и умеренный исламизм, но и опираться на последний для ослабления первого, поскольку именно умеренный исламизм может стать позитивным и перспективным крылом политической системы исламских стран. Соответственно, крайне важно сделать исламизм более умеренным и респектабельным. Это очень сложная задача. Необходимо создать условия, при которых исламизм примет более умеренный характер.

Радикализм, по нашему мнению, – это неотъемлемая часть широкого течения, неприятное и опасное, но естественное ответвление в развитии исламизма. Любое учение имеет радикальное крыло. Важно, чтобы умеренный исламизм не склонялся в сторону радикализации. Поэтому задача – если говорить с мир-системной точки зрения – состоит в том, чтобы создавать как можно меньше условий для роста радикализма. А для этого необходимо выбирать союзников в борьбе с ним. Именно такими союзниками, пусть временными, могут стать авторитарные режимы. Попытки же установления демократии в странах с неокрепшей государственностью (каковой была, например, Ливия) путем вооруженной революции, интервенции и свержения правительства однозначно ведут к разгулу терроризма. К таким же или более тяжелым последствиям приводит и стремление установить социальную республику в таких

странах, как Афганистан (что пытался сделать Советский Союз). Другим фактором, способствующим росту терроризма, является попытка использовать такие организации, как «Аль-Каида», «Джебхат ан-Нусра»¹ в геополитических целях.

Если считать, что радикальный исламизм нетерпим, то надо любой ценой его сдерживать. Следовательно, проблема состоит в выборе не между авторитарностью и демократией, а между светским авторитарным режимом и радикальным исламизмом. И крайне важно понимать, что радикальный исламизм можно победить (ослабить) в настоящих условиях только на поле собственно исламизма, поддерживая умеренную и законопослушную его версию и сотрудничая с ней там, где это возможно.

События Арабской весны, правда, несколько отрезвили тех, кто стремился к скорейшему установлению демократии в арабских странах. С одной стороны, нельзя стать жертвой западной одержимости демократией, а с другой – нельзя допустить, чтобы ближневосточная демократия «не имела никакого значения» или значила бы меньше, чем в других частях мира (Dalacoura 2015: 420). Однако, ни в коем случае не утверждая, что ближневосточная демократия не имеет значения, мы подчеркиваем, что путь к демократии здесь лежит в первую очередь через сотрудничество с умеренным исламизмом, даже если какое-то время эти исламисты могут получать большинство голосов. А если в таком случае существует опасность проникновения во власть более радикальных исламистов, то, на наш взгляд, автократические режимы предпочтительнее этой опасности. Из двух зол это все-таки меньшее.

2. Исламизм в глобальном контексте

Исламские общины как мостик между Западом и Востоком. Сказанное выше важно и в плане понимания влияния исламизма на Мир-Систему и глобализацию. Мусульмане – это огромный мир, это почти 50 стран, в которых они являются большинством. Но это и десятки стран, в которых они составляют значимую часть населения (как в России). Теперь они стали заметным и растущим меньшинством в десятке европейских государств, число их увели-

¹ Деятельность данных террористических организаций запрещена на территории РФ. – *Прим. ред.*

чивается в США и других американских государствах. И хотя СМИ говорят в основном о радикальном исламизме в Европе и других странах, очевидно, что абсолютное большинство мусульман в не-исламских странах – вполне лояльные к власти люди. А те из них, кто является сторонниками исламизма, в основном приверженцы умеренного его крыла, и чаще всего это просто показной и бытовой исламизм. Мало того, важно понимать, что западные исламские общины в целом позитивно влияют на остальной исламский мир, неся туда определенную культуру. Конечно, в целом они понижают культуру Европы, но зато повышают культуру исламского мира. Такова особенность глобализации – она стремится выровнять различия между регионами и странами где-то путем повышения уровня, а где-то – его понижения. Мы уже говорили о том, что в процессе глобализации действует экономический закон сообщающихся сосудов, то есть процесс стремится к выравниванию технологического и экономического уровня развитых и развивающихся стран (см.: Гринин 2013a), но такой же закон сообщающихся сосудов действует и в отношении культуры.

Противостояние Западу и глобализация исламизма. Современный исламизм возник в ответ на огромное превосходство Запада над исламским миром, его колониальную экспансию и поражение Османской империи в Первой мировой войне. Ненависть к Западу – основа идеологии радикальных исламистов, а для террористических организаций – также и руководство в практической деятельности. Но эта нелюбовь к Западу (во многом вполне заслуженная) характерна и для умеренных исламистов. И в целом такое противостояние между исламизмом и вестернизмом можно рассматривать как одну из очень важных глобальных дихотомий современного глобализирующегося мира. И эта дихотомия глубоко проникла в умы и сердца десятков и сотен миллионов мусульман, обычных людей без экстремистских крайностей.

Превосходство Запада, его высокомерие и даже презрение к отстающим обществам не могли не вызвать соответствующей реакции в мире, причем по мере роста глобализации и реакции глобализировались. Исламизм, точнее, Исламское возрождение 1970–1990-х гг. и было такой глобальной реакцией на глобальное превосходство Запада. В итоге произошло триумфальное шествие ис-

ламизма по многим странам. Неудивительно, что в мусульманском мире почти не осталось стран, где бы исламизм не превратился во влиятельный фактор политики.

Чтобы глубже понять причины такого успеха исламизма, следует сказать, что исламизм несет в себе очень яркие черты фундаментализма, характерного для реформированных или реформирующихся религий, превращающихся в массовую идеологию из привычного культа, то есть из рутинной обрядности становящихся идеологией масс, способных ради реализации ее лозунгов на мобилизацию и активные действия. Еще в 1990-е гг. было отмечено, что глобализация, модернизация и уменьшение религиозности в современных обществах ведут в качестве защитной и глобальной реакции к «фундаментализации сознания» (Трофимов 1992) части верующих (см. также: Малашенко 1994; Хантингтон 2003; Ражбадинов 2003). И это проявляется в планетарном масштабе у части протестантов, католиков, иудеев и др. Однако в исламе этот подъем приобрел огромные масштабы.

Однако, как отмечается исследователями (Ражбадинов 2003: 5–6), наряду с консервативно-охранительным направлением в исламизме имелось и имеется также реформаторское, предполагающее модернизацию мусульманских обществ на основе эндогенных ценностей. При этом, добавим, вместе с ростом глобализации меняется как первое, так и второе направление. Все это отражает достаточную гибкость исламизма, способного реагировать как на глобальные вызовы, так и на глобальные изменения, готового к некоторым, хотя и избирательным, но важным заимствованиям западных ценностей и их эффективному сочетанию с эндогенной традицией в интересах обеспечения более успешного хода процессов модернизации (Там же: 14).

Многие исламисты оказываются не столько фанатиками, сколько прагматиками, стремясь приспособить религиозные доктрины к реалиям сегодняшнего дня. Так, например, в 1990-х гг. египетские «Братья-мусульмане» продолжили модернизацию исламской религиозно-правовой доктрины, включая идеологическое обоснование реформистской стратегии исламизации на основе активного использования категории «маслаха» («общественного ин-

тереса») и сужения круга «постоянных» положений шариата (за счет изначальной гибкости шариата [Ражбадинов 2003: 403]).

Исламизм: некоторые события истории в аспекте глобализации

В настоящей статье мы не будем систематически говорить об истории исламизма, это частично было сделано в данном ежегоднике (см.: Гринин 2018; 2019; см. также: Гринин, Коротаев 2019). Но коснемся отдельных моментов этой истории, связанных с процессами глобализации и модернизации. Историю исламизма можно связать с вехами глобализации. Как известно, со второй половины XIX в. быстро росла мировая торговля, невиданными темпами прокладывались телеграф и железные дороги в Азии, стремительно расширялись колониальные империи, исламские страны вовлекались в полуколониальную зависимость, то есть именно глобализация по-европейски стала глубинной причиной рождения исламизма. Поэтому неудивительно, что исламизм как духовное течение в конце XIX – начале XX в., а затем и как организационное движение в 1920-х гг. возник как попытка найти противовес западному влиянию на исламские общества.

Послевоенные 1940–1960-е гг. были периодом глобальной перестройки мирового порядка, формирования десятков независимых государств на развалинах крупных колониальных империй, формирования третьего мира, массы бурных политических событий: революций, войн, военных переворотов, международных движений, формирования наднациональных союзов, Движения неприсоединения, военных блоков и т. д. и т. п. Неудивительно, что эти десятилетия стали важным периодом, в котором, по сути, произошло становление исламского мира как совокупности многих суверенных государств, формирование таких объединений, как Лига арабских государств, ОПЕК, а также грандиозные перемены в арабо-исламском мире. Неудивительно, что в этот период, который продлился до начала 1970-х гг., исламизм в арабском мире был отодвинут на задний план идеологией арабского национализма, а также другими идеологиями (социализма, неприсоединения и т. п.).

1970-е гг. нередко считаются началом современной глобализации. Это также период, когда началась заметная фаза Великой конвергенции, то есть ситуации, когда развивающиеся страны стали

постепенно догонять в развитии развитые (подробнее см.: Гринин, Коротаев 2016б; Grinin, Korotayev 2015). Конец 1960-х – начало 1970-х гг. были временем резкого обострения арабо-израильского конфликта, который по ряду причин стал носить глобальный характер, в смысле того, что в него косвенно оказались вовлечены и сверхдержавы. Именно с этого времени Ближний Восток приобрел свою характеристику проблемного и конфликтного региона, который вовлекает мир в собственные проблемы, одновременно генерируя свое резкое неприятие другого образа жизни, продолжая борьбу за сохранение и победу ислама. В 1970-е гг. начался цикл резкого подъема нефтяных цен. Отметим, что впервые развивающиеся страны смогли экономически переиграть развитые государства (см.: Коротаев, Гринин 2017; Grinin, Korotayev 2015; см. также: Goldstone 2016; Harper 2016). Таким образом, в 1970–1990-е гг. исламские общества стали получать все больше выгод от глобализации (см.: Гринин, Коротаев 2016б: гл. 5). Особенно это ощутили нефтедобывающие страны Ближнего Востока, полностью преобразившиеся в некоторых смыслах в результате золотого нефтедолларового дождя. Их роль в мире также резко повысилась. С этого времени нефть стала подпитывать многие тенденции, включая исламизм. Она же поставила Ближний и Средний Восток в особое положение и в мире, и в отношениях с Западом, придав ему огромное значение. Это соответственно повысило самооценку жителей данного региона. Таким образом, мир-системная роль Ближнего Востока за последние несколько десятилетий существенно возросла. Однако пока он в лучшем случае может претендовать на роль полупериферии. Парадокс заключается в том, что его полупериферийное значение в Мир-Системе как раз и является важным источником силы исламизма.

Взрывной рост цен на нефть изменил как взаимоотношения между арабскими странами, повысив роль нефтеэкспортирующих стран, так и отношение к Западу со стороны некоторых нефтеэкспортеров. С другой стороны, активизация политики США на Ближнем Востоке, а также разочарование в социалистическом пути развития привели к тому, что некоторые государства, в том числе Египет, попали в зависимость от Соединенных Штатов именно в эти годы. Все эти процессы привели к значительному усилению

исламизма как в Египте, так и в других арабских и исламских обществах.

Конец 1970-х гг. стал очень крутым поворотом в развитии и подъеме исламизма, что получило название Исламского возрождения, имевшего огромные успехи в 1980–1990-е гг., успехи, которые мало кто смог предсказать. Исламское возрождение представляло собой базирующееся на религиозной основе и стремящееся навязать обществу строгое соблюдение обычаев и правил ислама широкое интеллектуальное, культурное, социальное и политическое движение, которое распространилось на весь исламский мир². С этого же времени усиливается и терроризм, который также приобрел глобальный характер. В итоге 1990–2000-е гг. стали годами нового подъема международного глобального терроризма под исламистскими лозунгами, наиболее ярким эпизодом чего стали теракты 11 сентября 2001 г. В результате под флагом борьбы с терроризмом в США прошли все 2000-е и первая половина 2010-х гг. В политической глобализации мира весьма важным становится тренд объединения государств для борьбы с терроризмом.

1990–2000-е гг. также стали новой вехой в модернизации многих арабских и исламских стран, причем модернизацией с новыми чертами, о которых мы еще скажем. Это, наряду с целым рядом других причин, в том числе результатов мощного процесса глобализации – так называемой агфляции, то есть резкого роста цен на продовольствие в 2009–2011 гг. и совпавшего с этим мирового финансово-экономического кризиса, привело к тому, что с **конца 2010 г.** началась цепь революций и затем контрреволюций в ряде арабских стран. Данный период получил название Арабской весны. В целом он привел к дестабилизации региона и подъему радикализма. Этому весьма способствовало следующее: 2000-е и 2010-е гг. стали периодом активного вмешательства и прямых вторжений США и западных стран в государства Ближнего и Среднего Востока. В 2001 г. Соединенные Штаты вторглись в Афганистан, в 2003-м – в Ирак, а в период Арабской весны с подачи Саудовской Аравии и

² Но, разумеется, такое попятное движение затронуло только часть аспектов жизни. В то же время в некоторых отношениях развитие ускорилося. Это, в частности, касалось роста образованности, в том числе у женщин. Никогда еще на Ближнем Востоке не было такого количества студентов и студенток.

стран Запада были дестабилизированы Ливия, Сирия и Йемен (подробнее о событиях Арабской весны см.: Гринин 2012а; Гринин, Коротаев 2016а; 2016б; Гринин и др. 2016; Grinin *et al.* 2016).

Наконец, кратко скажем о причинах подъема исламизма и Исламского возрождения (подробнее см. вторую нашу статью в настоящем выпуске ежегодника: Гринин 2019) в увязке с глобализацией. Во-первых, исламизм имел огромную поддержку населения. Во-вторых, наблюдался рост образования³. В-третьих, очень удачно для развития исламизма наступил нефтяной кризис, увеличилось богатство исламских обществ, что стимулировало рост исламизма и радикализма. В-четвертых, имело значение и геополитическое положение Ближневосточного региона: а) как нефтеносного; б) как арены столкновения социализма и капитализма, СССР и США, при этом близость региона к границам СССР усиливала желание Соединенных Штатов господствовать в нем; в) в связи с арабо-израильским противостоянием. При этом США для достижения своих внешнеполитических задач активно использовали исламизм, пестовали и вооружали его.

3. Как и почему модернизация повышает риски дестабилизации общества

Процессы и типы модернизации

Понятие модернизации многозначно, а потому точное его определение вызывает споры (Black 1966; Huntington 1968; 1986; Tilly 1986; Побережников 2006; Травин, Марганя 2004; Нефедов 2007; Гринин 2010а; 2017а; 2017б). Модернизация в самом общем смысле рассматривается главным образом как процесс перехода того или иного общества (и Мир-Системы в целом) от архаического (сверхсложного аграрно-ремесленного) к индустриальному. Модернизация в рамках настоящей статьи – это прежде всего ускоренное изменение экономики, технологии, культуры, образования, частично или радикально социальных и политических отношений (последние изменяются особенно плохо, отсюда связь с нестабиль-

³ Такому росту способствовали и глобализация, в том числе усиление контактов с Западом, обучение за рубежом, а также особенности модернизации, включая информационные технологии и т. п. (см. ниже) (подробнее см.: Гринин, Коротаев 2019).

ностью) в обществе под влиянием осознания того, что общество отстало от соседей или крупных держав. Еще несколько десятков лет назад ведущей побудительной причиной модернизации могло выступать осознание военной угрозы со стороны других государств. Со второй половины XX в. все большее значение стал иметь престиж государства, его способность обеспечить своим гражданам достойный уровень жизни. Так или иначе, модернизация очень часто осуществляется полностью или частично под влиянием государства (отсюда велика роль исторических деятелей и успехов реформирования). Указанные изменения сильно влияют на такие базовые вещи, как демография, что в свою очередь ведет к целой цепи очень серьезных изменений, о которых при начале модернизации часто просто не подозревают.

Процесс модернизации связан с ускоренным развитием общества и обычно включает в себя в комплексе: развитие промышленности; рост урбанизации; развитие системы образования, рост общей и санитарно-медицинской культуры; существенные изменения в демографической модели развития (так называемые первая и вторая фазы демографического перехода). Модернизация в конечном итоге требует очень существенных политико-правовых и политико-социальных изменений, которым, однако, политическая элита часто сопротивляется. И это является одной из важнейших причин модернизационных кризисов (см. ниже).

Модернизации начались еще до машинной индустриализации. По мере развития технологий многое менялось в процессах модернизации. Отметим некоторые изменения начиная с XVI в. Здесь можно выделить:

- модернизацию раннего периода индустриальной революции (экономические самостоятельные модернизации) – Голландия, Англия, XVI–XVII вв.;

- модернизацию раннего периода индустриальной революции (модернизацию «пороховых революций») – «пороховые империи» (Индия, Иран, Россия, Турция, ряд европейских стран), XVI–XVII вв.;

- модернизацию раннего периода индустриальной революции (модернизацию постоянных армий) – модернизацию Пруссии в XVII в., России в начале XVIII в. при Петре I;

– модернизацию завершения индустриальной революции (1800 – начало 1860-х гг.), первая половина XIX в. (Франция, Бельгия, Германия; Египет, начало насильственной модернизации в Индии);

– модернизацию зрелого индустриализма (1860–1900; условно модернизацию железных дорог) – вторая половина XIX в. (белые колонии: Канада, Австралия, Новая Зеландия, продолжение в Индии и Египте, Япония, Китай; Россия, некоторые страны Южной Америки).

Можно выделить несколько типов модернизации: естественно-историческая, догоняющая и насильственная (подробнее см.: Гринин 2014a).

Первые два типа (особенно второй) увеличивают угрозу дестабилизации. Рассмотрим, почему так происходит.

Модернизация – исключительно сложный и довольно длительный период развития общества. Процесс модернизации не был ни гладким, ни легким. «Модернизованность порождает стабильность, но сам процесс модернизации порождает нестабильность» (Хантингтон 2004: 59). Таким образом, только пройдя период модернизации, общество обретает устойчивость к определенному рода кризисам (хотя, разумеется, не навсегда). Но на этом пути его подстерегают опасности модернизационной ловушки.

Форма и содержание модернизации в значительной степени зависят от времени совершения модернизации (так как и технологии, и уровень контактов, и уровень культуры, и представления о том, что должно быть в качестве обязательного в модернизированной стране, сильно меняются).

Для нашей темы важно отметить, что поскольку модернизация есть попытка догнать передовые общества, нередко получается, что **одни и те же общества модернизируются несколько раз. Это также может случаться из-за того, что не удается создать политическую систему, которая бы не требовала насильственных модернизаций.** Некоторые арабские и исламские страны (например, Египет, Иран, Пакистан) уже на протяжении длительного времени постоянно предпринимают попытки модернизации, при этом иногда она осуществляется относительно вяло, а иногда очень резко, что усиливает диспропорции и опасность дестабилизации.

Диспропорции модернизации как причина революций. Начиная с Нового времени в основе революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Модернизация разрывает ткань традиционного общества, что влечет за собой значительные изменения и порой весьма тяжелые последствия для крупных социальных слоев, а также усиливает конфликтность в обществе. Модернизация порождает новые идеи, идеологии и потребности, которые вступают в конфликт с устоявшимся порядком и традициями.

Что касается экономики, то постоянное стремление предпринимателей и в целом производительных сил к расширению сферы деятельности вело к неравномерному развитию экономики, которое выразилось в среднесрочных и длинных экономических циклах (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2010). Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан и молодежи в его структуре (так называемый «молодежный бугор»), что часто вызывает социальное напряжение.

Влияние модернизации на уровень жизни и ожидания населения и его отдельных слоев. Модернизация в определенные периоды может вести к тому, что уровень жизни определенных слоев населения понижается. Классическим примером служит история с английскими ткачами-ремесленниками, изготавливавшими хлопчатобумажную ткань, заработки которых в связи с развитием механизации стали падать. В итоге многие из них обеднели и разорились. На ранних стадиях индустриализации в Англии и ряде других стран механизация также вела к снижению зарплат работающих мужчин, поскольку их могли заменить женщины и дети, которым можно было платить существенно меньше. Все это вызывало социальное напряжение. Однако, как мы увидим ниже, в целом модернизация вела к росту уровня жизни общества. Но, во-первых, она могла усиливать неравенство либо создавать новые линии неравенства, к которым люди еще не привыкли и которые вызывают особое недовольство. А во-вторых, часто революции возникают не в связи с длительным понижением уровня жизни, а в связи с тем, что нарушаются приемлемый уровень и порядок потребления. Именно это происходило во время экономических кризисов в городах и в

связи с недородами в сельской местности, как это было в период до революции 1905–1907 гг. и в течение нее в России и во время февральских событий 1917 г. в Петрограде, а также в ряде мест в Европе в связи с неурожаями 1845–1847 гг.

В связи с тем, что в период модернизации общества могут развиваться в ускоренном (по сравнению с прежним темпом) режиме, возникают деформации не только в социальном развитии, но и в уровне ожиданий. При этом обычно уровень ожиданий выше того, что могут дать правительство, работодатели, общество в целом. Рост ожиданий связан с модернизацией уже потому, что со сменой социального контекста, ростом уровня неравенства и информированности люди начинают гораздо активнее сравнивать свое положение с уровнем жизни других людей, отбрасывать прежние представления. В случае же, когда в определенные периоды жизнь ухудшается в целом или у определенных групп, люди начинают испытывать чувство неудовлетворенности, подавленности и озлобления.

При классической модернизации, когда сельские жители массово переселяются в города в поисках работы, сложности их адаптации резко усиливают напряжение в обществе. Отметим, что подобные процессы происходили и происходят в исламском мире, где в ряде стран существовало и еще существует сельское перенаселение, где уровень грамотности еще недостаточен. Все это является питательной средой для роста влияния исламизма.

Парадоксы модернизации. Таким образом, как это ни парадоксально, революции нередко происходят именно в период после некоторого (и порой довольно длительного) повышения уровня жизни населения. Поводом для них становится неожиданное временное ухудшение на фоне устойчивого недовольства властью (причем и со стороны высших слоев). Это ухудшение, подготовленное общим недовольством, нарастающим за счет трансформации образа жизни в результате модернизации, вызывает всеобщее возмущение и социальный взрыв. По сути, это доказал еще Алексис де Токвиль, исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции (Токвиль 1997). Такого рода волнения могут быть связаны с нарастанием острых (но все же не уровня вопроса жизни и смерти людей) проблем. Именно неспособность

властей решить эти проблемы в условиях, когда все решения завязаны на них, могут вызвать постоянное негативное отношение к власти, а в определенный момент и взрыв. К условиям революции, как правило, добавляется падение авторитета власти и ее неспособность к адекватным или решительным действиям. И если при этом потерявшее авторитет правительство не вовремя проявляет слабость или уступчивость, это ведет к нарастанию требований.

Существует и еще один парадокс модернизации. С одной стороны, отсталость и бедность могут быть причиной острого неравенства и соответствующего социального напряжения, а с другой – именно при попытках ликвидации бедности и отсталости в процессе модернизации неравенство может возрастать. Отметим, что в России попытки правительства решить проблему отсталости сельского хозяйства и бедности крестьян путем модернизации социальных отношений в деревне (за счет разрушения общины и приобретения крестьянами права на индивидуальное хозяйство) вызвали только обострение напряженности в деревне и в целом в обществе. А развитие народного образования привело к росту количества людей, среди которых было проще агитировать против правительства. Введение законов, улучшающих положение рабочих, способствовало решению наиболее острых проблем на какое-то время, однако в целом ни в коей мере не успокоило рабочий класс. А создание парламента, пусть и с ограниченными правами, лишь усилило стремление либералов к оппозиции правительству и требованиям новых уступок.

Это показывает, насколько сложно избежать модернизационной ловушки. Проблема в том, что в некоторые периоды запоздалые реформы только ухудшают положение правительства. Вообще же в процессе модернизации крайне трудно соблюсти баланс между необходимостью сосредоточить в руках реформатора максимум власти, с одной стороны, и требованиями со стороны общества, оппозиции, иностранных государств развития демократии (то есть отказа от части властных полномочий) – с другой. Кроме того, у власти, которая стремится модернизировать страну, максимально сохраняя в ней стабильность, должны быть ясное понимание ситуации и определенная цель. Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что *революции нередко происходят именно в экономически*

успешных или даже очень успешных обществах. Однако этот успех ведет к завышенным ожиданиям и более жесткой критике правительства, что становится идеологической базой для социального взрыва. Все это в полной мере относится к событиям Арабской весны, например, в Египте или Тунисе.

Модернизационная ловушка. На связь революций и модернизации указывали многие исследователи (см., например: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Huntington 1968; Dahl 1971; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer *et al.* 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Voix 2011; Хантингтон 2003; 2004; Стародубровская, Май 2004; Хобсбаум 1999а; 1999б; 1999в).

Наши исследования целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи также показали, что сами процессы модернизации независимо от уровня потребления и темпов демографического роста достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Особенно способствуют этому распространение в обществе радикальных идей и идеологий, стремительная урбанизация, повышенная доля молодежи в демографической структуре и быстрый рост образованности части населения в сочетании с неграмотностью или низким уровнем образования другой его части (см., например: Гринин 2010б; 2010в; 2011а; 2011б; 2012б; 2013б; 2014б; Гринин, Коротаев 2012; Гринин и др. 2016; Коротаев и др. 2011; Grinin 2012). Все это явно наличествовало в России.

В некоторых случаях быстрая модернизация, сопровождаемая быстрым ростом населения, все же не приводит к революциям благодаря более удачной внутренней и внешней политике государства (примером чему служит Япония после реставрации Мэйдзи или Египет в последней трети XIX – первой половине XX в.). Но в целом такие случаи бескризисного развития в условиях модернизации следует рассматривать скорее в качестве исключения, а случаи революций и политических потрясений – как типичные. Этот вывод послужил для нас основанием ввести понятие *модернизационной ловушки*, то есть закономерного социально-политического кризиса, возникающего в процессе модернизации. В эту ловушку по-

падает общество в попытке преодолеть отсталость (подробнее см.: Гринин 2010в; 2011а; 2012а; 2013б; Grinin 2012; Гринин, Коротаев 2012). Модернизационная ловушка возникает в процессе выхода или после выхода общества за счет радикальных изменений из мальтузианской ловушки, характерной для определенного уровня развития сверхсложных аграрно-ремесленных обществ⁴.

Мальтузианская ловушка предполагает ситуацию, когда общество не может в течение длительного времени технологически разрешить проблему повышения продуктивности сельского хозяйства таким образом, чтобы та росла быстрее населения. Фактически аграрное общество подходит в этой ситуации к пределу своих возможностей. Рано или поздно возникает и социально-политический кризис, нередко ведущий к коллапсу государственности и вытекающей из этого гуманитарно-демографической катастрофе.

Но в процессе выхода из мальтузианской ловушки, а равно в процессе изменения общества, возникает большая опасность попадания в ловушки иного типа – модернизационные. Если мальтузианская ловушка связана с отставанием производительных сил от темпов роста населения, то есть их недостаточно быстрым ростом (и в целом недостаточным динамизмом изменений), то модернизационная ловушка, напротив, – с чрезмерно быстрыми изменениями, за которыми ряд важнейших отношений и институтов общества не успевает. Модернизация – процесс длительный. Соответственно, такая ловушка имеет ряд разновидностей, представленных на рисунке.

⁴ *Модернизационной ловушкой* мы назвали ситуацию усилившихся в результате модернизации до степени социального взрыва противоречий и диспропорций в обществе, связанных со сложными структурными перестройками и глубокими качественными и масштабными количественными изменениями в нем, которые происходят в исторически короткие сроки. Качественные изменения в технологии, производстве, прибавочном продукте, уровне образования, урбанизации, росте населения и многом другом не сопровождаются адекватными изменениями в важнейших институтах общества (политической структуре, правовой системе, системе привилегий, отношениях собственности, религии, семейно-брачных отношениях, морали и т. п.). В итоге отношения в обществе обостряются, возникает завышенный уровень ожиданий, претензий и идеалов, удовлетворить которые в сложившейся ситуации оказывается невозможно (подробнее см.: Гринин 2010в; 2011а; 2012б; 2013б; Grinin 2012; Гринин, Коротаев 2012).

Рис. Типы модернизационных ловушек

Молодежная ловушка характерна и для ряда арабских стран, в частности для Алжира, Египта и некоторых других.

Скажем еще о том, как глобализация влияет на модернизацию. Очевидно, что процессы глобализации и модернизации во многом взаимосвязаны. Глобализация прошла несколько крупных подъемов и спадов. Период 1850–1870-х гг. был первым периодом свободной торговли. Это значительно способствовало экспорту технологий. В дальнейшем были введены высокие таможенные тарифы. Однако усилились процессы экспорта капитала, особенно английского и французского. Благодаря этому началась мощная модернизация, включая индустриализацию и строительство железных дорог (правда, особенно интенсивно – в рамках формирующихся колониальных империй и зон влияния): от Австралии до Аргентины, от Японии до Канады. Период с 1914 до 1945 г. был неблагоприятным для глобализации, поэтому модернизация имела откровенно милитаристский характер в большинстве стран (если не брать такие колонии, как Индия). Послевоенный период, как мы уже писали, – это время борьбы за пути модернизации, мир был разделен на лагери по идеологическому принципу, и шла борьба за развивающиеся страны. Зато в конце XX в. с ускорением финансовой глобализации мы наблюдаем процесс индустриализации Запада и мощной индустриализации многих развивающихся стран, в том числе и части арабо-исламских (см. подробнее: Grinin, Korotayev 2015). В настоящее время маятник вновь качнулся в сторону закрытия рынков

(введения тарифов и пр.), что может повлиять на развитие модернизации в отстающих странах.

4. Об особом пути модернизации исламских стран и его влиянии на политические процессы

В статье (Гринин 2018) мы уже говорили об особенностях модернизации исламских стран. Тем не менее стоит повторить ряд моментов.

Можно выделить следующие факторы социально-политической модернизации в исламских странах (в том числе Афразийской макрзоны нестабильности), обуславливающие ее отклонение от классической траектории:

1) особая роль исламизма как не просто политической идеологии, но очень массовой, широко распространенной среди многих, если не всех социальных слоев, способствующей объединению общества и развитию ряда направлений (включая образование), необходимых для модернизации. Исламизм с самого начала объективно способствовал особому пути модернизации исламских стран, а Исламское возрождение (с конца 1970-х гг.) можно расценить как попытку модернизироваться, не заимствуя западные ценности и институты, а, напротив, на основе возврата к якобы нетленным ценностям раннего ислама (Хантингтон 2003: 162);

2) слабость государственных структур в арабском мире, что определялось рядом исторических особенностей и, соответственно, слабость национализма как идеологии;

3) нефтяное богатство, благодаря которому появились очень крупные средства для особого пути модернизации (с учетом меньшей финансовой зависимости исламских стран от Запада), а также усилились позиции исламизма как массовой идеологии и образа жизни.

Следует добавить и 4) определенную самодостаточность арабо-исламского региона. Так, в рамках рассматриваемой Афразийской зоны нестабильности за последние 40 лет возникла особая региональная экономическая структура с центром в нефтедобывающих странах Залива, благодаря которой развитие модернизации в этой зоне идет в значительной мере путем опоры на собственные силы. Имеется в виду огромная потребность малонаселенных стран Зали-

ва в рабочей силе разного уровня подготовки (от неквалифицированных до высококвалифицированных специалистов, включая врачей, преподавателей высших учебных заведений и т. п.). В результате этого страны Залива могут осуществлять собственную модернизацию, имея достаточно рабочей силы, а соседние страны имеют возможность получать большой поток валюты.

Все вместе это ослабило возможности для вестернизации исламских стран и создало условия для *особого пути модернизации арабских и многих исламских стран*. Более высокая роль религиозных идей в модернизации объясняет причины того, что она в этих странах не затрагивает в полной мере многие аспекты жизни, идет медленнее, чем в других регионах, а также то, что часто она рядится в псевдорелигиозные одежды (так, повышение уровня образования женщин, их роли в политике, экономике и культуре происходит при внешнем сохранении исламских или новоисламских обычаев [Grinin *et al.* 2018]).

Поскольку наибольшая часть нефтяного богатства досталась странам, в которых уровень модернизации, государственности и культуры был слабым, получилось так, что эти государства (прежде всего страны Залива) стали играть роль, не соответствующую их уровню развития, в жизни всего региона.

Исламизм – особый способ модернизации. Таким образом, исламизм следует рассматривать и в аспекте того, что это особый способ модернизации арабо-исламских стран. Как мы уже говорили выше, исламизм достаточно гибок, позволяет развиваться и адаптировать достижения Запада, не теряя собственной идентичности. Иными словами, он способен включать в себя необходимые ему моменты модернизации, но со своими особенностями (такими как современное образование, идея демократии, расширение участия женщин в самоуправлении и других важных сферах). И подобно другим проявлениям глобального религиозного возрождения, Исламское возрождение является одновременно и следствием модернизации, и попыткой схватиться с ней «врукопашную» (Huntington 1996: 111–112).

Конечно, исламизм отнюдь не доказал своей наибольшей эффективности в плане модернизации, но тем не менее определенную функцию он выполняет. Однако в последние годы проявились ограничения на прежние формы модернизации, которые условно

можно было бы назвать нефтяной модернизацией, в частности, в связи с резким падением цен на нефть с 2014 г. В целом старый путь, основанный на нефтяной модернизации, приближается к возможности глубокого кризиса. Падение нефтяных цен вызвало ряд политических процессов, усиливших как конкуренцию нефтедобывающих стран, в том числе и в Афразийской зоне нестабильности, так и неординарные попытки внутреннего реформирования в Саудовской Аравии, особенно зависящей от экспорта нефти. Кроме того, позиции нефти в мире оказались под дополнительным давлением производителей сжиженного газа, который в некоторых отношениях может заменять нефть.

С другой стороны, нефтяная основа для модернизации стран Ближнего Востока может быть потенциально расширена за счет технологии сжиженного газа, по крайней мере, для части стран. Отсюда конфликт между Катаром и другими странами Залива можно рассматривать и в аспекте конфликта между более технологичной энергетической модернизацией (сжижения газа в Катаре, который является крупнейшим его производителем) и менее технологичной нефтяной модернизацией в других странах Залива.

Завершить статью хотелось бы, дополнительно показав, как некоторые политические процессы в рассматриваемом регионе связаны с типами модернизации и глобализации. Для этого продолжим рассмотрение форм модернизации.

Модернизация первой половины XX в. была условно модернизацией тяжелой индустрии (Россия и СССР; Турция; Индия; Мексика; Иран; частично Китай, но модернизация здесь застопорилась из-за внутренних конфликтов и гражданской войны; Корея – здесь была насильственная модернизация со стороны Японии; окраины СССР).

Для темы исследования важно отметить, что исламизм хотя и появился как идея особого пути модернизации отстающих от Запада обществ, но еще не был способен конкурировать с чистой вестернизацией, которая произошла, например, в Турции или (частично) Иране.

Модернизация 1950–1970-х гг. была уже модернизацией заката индустриализма. Исламизм как путь модернизации в этот период не был магистральным. В связи с образованием большой группы социалистических стран и массовым освобождением колоний не

только увеличилось число моделей модернизации, но и возникло острое соперничество этих моделей, что было вызвано мир-системными факторами. В известной мере это способствовало росту возможностей модернизации. Отметим путь вестернизации (особенно успешный на Дальнем Востоке: Япония, а также Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Гонконг – так называемые «новые тигры»; но это также и 1980–1990-е гг.), хотя в каждой стране все же имелись специфические особенности модернизации. Социалистическая модернизация шла в советском лагере, включая и Китай. Особый путь (социальная модернизация) был в странах, которые восприняли социалистические идеи, но в ограниченном масштабе, в том или ином аспекте: в Индии, где стремились развивать тяжелую промышленность и вести социальную политику в отношении крестьян, Египте, где также ориентировались на социальную политику, Ливии; ряде стран Африки и Латинской Америки. Однако попытки как социалистической, так и западной модернизации в исламских странах оказались не особенно удачными не столько в смысле результатов, сколько в том, что возникла острая реакция в виде исламского наступления (в частности, в Иране в виде революции; в виде постоянных военных переворотов).

Очень важной новой чертой модернизации этого периода стало снижение значимости военной готовности обществ, поскольку появилась возможность покупать оружие и приглашать инструкторов (это делалось и раньше, но крупные страны, стремящиеся играть существенную роль в своих регионах, нуждались в собственной военной индустрии). Теперь же в большинстве стран военный фактор в модернизации стал играть меньшую роль. Зато социальный фактор – бóльшую, так как сказывалось и влияние в этом плане более развитых обществ, и введение демократических институтов. Даже в такой мощной стране, как Индия, военная модернизация не играла очень заметной роли (несмотря на постоянную конфронтацию с Пакистаном).

Для большинства стран в 1970-е и даже 1980-е гг. во многом продолжались предыдущие тенденции. Но это было не так в части исламских стран. Запад нуждался во все большем количестве сырья, особенно энергии, и это неожиданно привело к нефтяной модернизации, о которой уже было сказано. Это, повторим, значительно повлияло на рост позиций исламизма и соответственно вос-

приятие его как особого пути развития исламских стран, хотя в странах, уже вставших на путь социальной модернизации, исламизм долгое время находился в подполье (в Египте, Ливии, Ираке, Сирии). Однако его позиции были столь сильны, что только мощным государственным сдерживанием можно было отстранять исламистов от власти. Таким образом, видна тесная связь роста богатства нефтеэкспортирующих стран не только с подъемом исламизма, но и с усилением политической борьбы между ним и светскими режимами. В Иране, где модернизация уже была достаточно долгим процессом, развивалось то, что можно назвать исламской демократией.

1990–2000-е гг. – это уже новый этап модернизации, который связан с информационной эпохой. Тем более что социалистический лагерь рухнул, и идеи социалистической модернизации (с развитием тяжелой промышленности с упором на технологии третьей кондратьевской волны) также оказались невостребованными. Соответственно, мы наблюдаем новые черты в модернизации в том числе развивающихся и некоторых исламских стран (таких как Египет), мощный подъем образования, массовое (а не элитарное) высшее образование, а также мощный подъем информационных технологий (в Индии, Египте и ряде других стран). Одновременно это и период, связанный с мощной волной глобализации, с проникновением западных информационных технологий и западного капитала, с быстрым подъемом экономик развивающихся стран, в том числе и ближневосточных. Мы определили этот период как *информационно-глобализационную модернизацию*, в которой также удалось показать, что особенности модернизации отражаются в революциях. Так, Арабская весна – во многом результат этой информационно-глобализационной модернизации.

Библиография

- Гринин Л. Е. 2010а.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010б.** Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 198–224.

- Гринин Л. Е. 2010в.** Модернизационные ловушки как часть процесса трансформации сверхсложных аграрных обществ в индустриальные. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36. *Материалы 12-й конференции АИК.* Октябрь. М.: Изд-во МГУ. С. 85–96.
- Гринин Л. Е. 2011а.** Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий. М.: Красанд/URSS. С. 337–356.
- Гринин Л. Е. 2011б.** Модернизационные ловушки в мировой динамике: история и современность. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*: сб. науч. тр. Вып. 2 / Ред. М. В. Ильин. М. С. 206–226.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Опасность социально-политического кризиса в процессе модернизации. *Вестник КИГИТ* 6: 39–63.
- Гринин Л. Е. 2013а.** Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс). *Век глобализации* 2: 63–78.
- Гринин Л. Е. 2013б.** Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2014а.** Украинское государство как незавершенный политический проект: фрагментарное прошлое, кризисное настоящее, неясное будущее. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 5–37.
- Гринин Л. Е. 2014б.** Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 98–127.
- Гринин Л. Е. 2017а.** Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования* 4: 138–155.
- Гринин Л. Е. 2017б.** Российская революция в свете теории модернизации. *История и современность* 2: 22–57.
- Гринин Л. Е. 2018.** О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. *Системный мониторинг гло-*

- бальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте: ежегодник / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 320–349.*
- Гринин Л. Е. 2019.** Исламизм как социально-экономический феномен. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель (в печати).*
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2010.** *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Лукурга до Алана Гринспена.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016а.** Арабский кризис и реконфигурация Мир-Системы. *Арабский кризис: Угрозы большой войны / Отв. ред. А. Д. Саватеев, А. Р. Шишкина.* М.: УРСС. С. 286–329.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016б.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019.** *Исламизм и его роль в современном исламском обществе.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Десилвер Д., Мэсслив Д. 2017.** Ислам в мире распространен шире, чем вы думаете. *ИноСМИ* 2 февраля. URL: <https://inosmi.ru/social/20170202/238650227.html>.
- Игнатенко А. 2004.** *Ислам и политика.* М.: Ин-т религии и политики.
- Кепель Ж. 2004.** *Джихад: Экспансия и закат исламизма.* М.: Ладомир.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2017.** Дивергенция и конвергенция в мировой экономике. *Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 252–308.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции,*

- модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Левин З. И. 2014.** *Очерки природы исламизма*. М.: ИВ РАН.
- Малашенко А. В. 1994.** Мусульманская цивилизация: движение и инерция. *Современный ислам: культура и политика*. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Нефедов С. А. 2007.** *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Побережников И. В. 2006.** *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.: РОССПЭН.
- Ражбадинов М. З. 2003.** *Египетское движение «Братьев-мусульман»*. М.: ИИИиБВ.
- Стародубровская И., Мау В. 2004.** *Великие революции. От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус.
- Токвиль А. де. 1997.** *Старый порядок и революция*. М.: Московский философский фонд.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация*. М.: АСТ.
- Трофимов Д. А. 1992.** Исламский фундаментализм в арабских странах: истоки и реалии. *Восток 1*: 113–114.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум Э. 1999а.** *Век империй*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Хобсбаум Э. 1999б.** *Век капитала. Европа 1848–1875*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Хобсбаум Э. 1999в.** *Век революции. Европа 1778–1848*. Ростов н/Д.: Феникс.
- Achilov D., Sen S. 2017.** Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38: 608–624.
- Black C. E. 1966.** *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper Torchbooks.
- Boix C. 2011.** Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.
- Brunk G. G., Caldeira G. A., Lewis-Beck M. S. 1987.** Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.

- Burkhart R. E., Lewis-Beck M. S. 1994.** Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(4): 903–910.
- Cutright P. 1963.** National Political Development: Social and Economic Correlates. *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior* / Ed. by N. W. Polsby, R. A. Dentler, P. A. Smith. Boston: Houghton Mifflin.
- Dahl R. A. 1971.** *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press.
- Dalacoura K. 2015.** Islamism, Democracy and Democratization and the 2011 Arab Uprisings. *Mediterranean Politics* 20(3): 420–426.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006.** Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.
- Goldstone J. A. 2016.** Great Divergence and Great Convergence in a Global Perspective. *Social Evolution & History* 15(2): 194–200.
- Grinin L. 2012.** State and Socio-political Crises in the Process of Modernization. *Clodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York: Springer.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2016.** *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Springer International Publishing.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2018.** *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Dordrecht; Heidelberg; New York: Springer.
- Harper A. 2016.** Leonid Grinin and Andrey Korotayev, Great Divergence and Great Convergence: A Global Perspective. *Journal of Globalization Studies* 7(1): 152–157.
- Hooper I. 2015.** CAIR Welcomes AP Stylebook Revision of 'Islamist'. *Council on American-Islamic Relations Press Release* 2015 (March 11). Washington, DC: CAIR. URL: <https://www.cair.com/press-center/press-releases/11808-cair-welcomes-ap-stylebook-revision-of-islamist.html>.
- Huntington S. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, London: Yale University Press.
- Huntington S. 1986.** Revolution and Political Order. *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies* / Ed. by J. A. Goldstone. San Diego, New York etc.: Harcourt Brace Jovanovich. Pp. 39–47.

-
- Huntington S. P. 1996.** *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Lipset S. M. 1959.** Some Social Requisites of Democracy. *American Political Science Review* 53: 69–105.
- Londregan J. B., Poole K. T. 1996.** Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.
- Moore B. 1966.** *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. 1992.** *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Tilly C. 1986.** Does Modernization Breed Revolution? *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies* / Ed. by J. A. Goldstone. San Diego; New York etc.: Harcourt Brace Jovanovich. Pp. 47–57.